

де ево, Гаврилова, бить і подбилъ ему глаза і носъ розбилъ до крови. І о томъ де о всемъ случае послѣ того пришедшему караульному жъ адмиралтейскому кананиру Зеновью Смольянинову онъ, Гавриловъ, сказывалъ; при которомъ онъ, Носовъ, вскоча і хотелъ ево, Гаврилова, еще бить и говорилъ: поди де на меня въ той пѣсне доноси; токмо де тотъ кананерь Смольяниновъ бить ево, Гаврилова, ему, Носову, не далъ; а какъ де онъ, Носовъ, пѣсню пелъ і ево, Гаврилова, прежде того билъ, тогда никого кромѣ ихъ двухъ не было.

А *Носовъ* сказалъ, что того числа на Зелейной дворъ онъ, Носовъ, пришедъ изъ города пьяной, пѣсню при ономъ кананире Авраме Гаврилове пѣлъ: «Постригись, моя немилая, поскимься» постылая: на постриженье дамъ сто рублей, на поскимленье дамъ тысячу, поставлю келейку въ Ярославле красномъ городе,— тонешенку малешенку. Съѣзжались князья бояра, тутъ келейке дивовались, што это за келейка тонешенка малешенка, што это за старица молодешенка пострижена». — І оную де пѣсню ево, Носова, онъ, Гавриловъ, пѣть унималъ, и потому ево уйму онъ, Носовъ, пѣть и пересталъ; а билъ де онъ, Носовъ, ево, Гаврилова, послѣ того за то, что требовалъ онъ, Носовъ, отъ него, Гаврилова, своего долгу и за брань; а пѣлъ де онъ вышеобъ явленную пѣсню с простоты своей въ пьянстве, а не съ умыслу, и касается-ль та пѣсня къ чести Ея Величества, про то де онъ, Носовъ, не зналъ, и запрещенія о той пѣсни ни отъ кого не слышалъ. Токмо де тогда какъ онъ, Носовъ, окончалъ ту пѣсню, услышалъ отъ него, Гаврилова, что прежде де сего она пѣсня пѣть запрещалась.

Наумъ Сенявинъ.

Секретарь Василей Михайловъ.

[Скрѣпа]. Секретарь Борисъ Никитинъ.